

метов. Но и по сравнению с этими текстами книжные сербские духовные стихи еще ближе подходят к строю речи книжных украинско-русских. Читая такой текст, мы даже ставим себе вопрос: писал ли его серб? Только тщательный анализ языка и правописания убеждает нас в сербском его происхождении. Например, в стихе о Николе (Белградская народная библиотека, № 110, л. 27) не находим ни одного сербизма, в следующем (о рождестве) — лишь форму: пѣсанъ (в заглавии) и смешение ы и и (съ намы); в стихе («орация») на воскресение Христово (Белградская академия, № 27, л. 23 об.): данасть (днесь), овде (здесь, теперь), сви (вси), пакъ (паки), ѳе (будет) — обычные, самые ходячие выражения разговорной речи.

Фонетика и морфология сербских книжных духовных стихов может быть объяснена двояко: или сербы-авторы настолько хорошо усвоили славяно-русскую речь (что вполне возможно для таких лиц, как например Раич — воспитанник Киевской Духовной академии), что именно на ней слагали стихи; или же эти стихи восходят к украинско-русским оригиналам. Если учесть общность содержания, иногда и тождество текста русских, украинских и сербских стихов, то, принимая первое предположение, мы по необходимости должны были бы сделать и второе: стихотворение, написанное на условном славяно-сербском книжном языке, перешло в русско-украинские сборники из Сербии. Но такое предположение противоречило бы в общем тому, что мы знаем о происхождении «кант» и «псалм». Родина их, как известно, — Украина и культурная среда Киевской духовной школы, а сами они — продукт ее и латино-польского влияния на Украине XVI—XVII вв. Отсюда образцы этой разновидности школьной поэзии были перенесены в значительном количестве в Московскую Русь, где в свою очередь было создано во второй половине XVII в. большое число вирш и псалм того же типа. Наблюдение показывает, что в русских рукописных сборниках рядом нередко помещаются и украинские по происхождению, и собственно русские стихи, причем язык украинских вирш постепенно русифицируется, но вместе с тем и в русских стихах появляются характерные украинские рифмы, а иногда и отдельные словарные украинизмы. Но ни в русских, ни в украинских духовных стихах мы никогда не найдем ни малейших следов сербского происхождения ни в содержании, ни в языке.⁷ Таким образом, мы должны отдать предпочтение второму предположению — поставить сербские стихи в зависимость от русских и украинских, по крайней мере те из них, которые дают аналогию к русско-украинским по своему содержанию и форме. Это предположение найдет себе подтверждение в самых стихах и в тех условиях, при которых переход их из русской и украинской письменности в сербскую представляется возможным. Внимательное изучение языка и формы сербских стихов даст дополнительные доводы, подкрепляющие заключение о русско-украинских их оригиналах.

⁷ Ср. хотя бы: П. И. Житецкий. Мысли о малорусских думах. Киев, 1893, гл. II.

⁸ Следует напомнить, что редкие и лишь предполагаемые случаи отзвука сношений Украины с сербами, замеченные в украинских думах, не касаются ни содержания, ни языка, ни тем более формы дум, см.: Н. П. Дашкевич. Несколько следов общения Южно-Руси с югославянами. — Изборник Киевский, посвященный Т. Д. Флоринскому. Киев, 1904, стр. 119 и сл. Не относятся сюда и переводы или переделки (часто через великорусскую среду) стихотворений новых сербских писателей (например, Якшича), встреченные в песнях Угорской Руси [См.: В. Н. Перетц. Рец.: «Русский Соловей», народная лира или собрание народных песен на разных угро-русских наречиях. Собрал и издал М. А. Врабель. Унгвар (Ужгород), 1890. — Киевская старина, 1892, июнь, стр. 459—474].